

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
У13

Karen White
THE GIRL ON LEGARE STREET

Copyright © Harley House Books, LLC, 2009
All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.
This edition published by arrangement with Berkley,
an imprint of Penguin Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC.

Перевод с английского *Александра Бушуева*
и Татьяны Бушуевой

Художественное оформление
Сергея Власова

Уайт, Карен.

У13 Девушка с Легар-стрит / Карен Уайт ; [пер. с англ.
А. Бушуева, Т. Бушуевой]. — Москва : Эксмо, 2019. —
480 с.

ISBN 978-5-04-104943-0

После того как Мелани получила в наследство особняк, ей выпал шанс встретиться наконец со своей матерью Джинетт, оперной певицей, которая вернулась в город после тридцатилетнего отсутствия. Джинетт уверяет, что их вынужденная разлука — способ уберечь дочь. Но от чего?

По просьбе матери Мелани, имеющая дар общаться с духами, вступает в контакт с опасным призраком, обитающим в старинном доме на Легар-стрит. На помощь ей приходят обаятельный писатель Джек и журналистка Ребекка, которая уж слишком заинтересована в паранормальных явлениях, происходящих в городе.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-104943-0

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2019
© Бушуева Т., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Тусклое зимнее солнце на небе цвета потертого пятицентовика потерпело неудачу в своей тщетной попытке согреть ноябрьский утренний воздух. Даже в шерстяном пальто я дрожала от холода. Моя чарльстонская кровь не привыкла к редким волнам ледяного воздуха, что время от времени обрушиваются на Священный Город, чтобы в очередной раз напомнить нам о том, почему мы предпочитаем жить в этом прекрасном городе, чьи жители — и живые, и мертвые — сосуществуют подобно свету и тени.

Рывком открыв дверь в кафе «Сити Лайтс», — наперекор ветру у меня за спиной, грозившему захлопнуть ее снова, — я вошла внутрь. Оглядевшись по сторонам, я заметила Джека за столиком у окна. Перед ним уже стоял латте с дополнительной порцией взбитых сливок и внушительных размеров булочка с корицей. Мгновенно заподозрив недоброе, я осторожно приблизилась к столу.

— Что тебе нужно? — спросила я, указав на латте и булочку с корицей.

Он поднял на меня пронзительно-голубые глаза, которые я последние шесть месяцев своей жизни упорно старалась не замечать. Его невинный взгляд наверняка вынудил бы меня улыбнуться и закатить глаза, если бы не застарелый страх, который пресле-

довал меня на всем пути от моего дома на Трэдд-стрит до Маркет-стрит.

Это было довольно сильное чувство; я даже на пару мгновений задержалась перед входом в кафе в надежде определить, что же это такое. Мне очень хотелось думать, что это просто недосып, вызванный телефонным звонком в два часа ночи, после которого я так и не смогла заснуть. Это было бы вполне приемлемое объяснение, но в моем мире, где телефонные звонки от давно умерших людей не были таким уж необычным явлением, меня оно не удовлетворило.

— Доброе утро, Мелани, — весело произнес Джек. — Неужели мужчина не может просто купить красивой женщине завтрак, не ожидая ничего взамен?

Я сделала вид, будто на мгновение задумалась.

— Нет, не может.

Расстегнув пальто, я аккуратно перебрала его через спинку стула и лишь после этого села. От меня не скрылось, что все женщины в ресторане, включая седовласую даму с инвалидным ходунком за столиком у бара, не сводили глаз с Джека и с подозрительным прищуром посматривали на меня.

Да, Джек Тренхольм был слишком хорош собой, чтобы быть писателем, особенно автором исторических документальных детективов. Ему полагалось быть лысым толстячком с седой бородкой, любителем толстых водолазок, которые обтягивали бы его брюшко, с пожелтевшими от курения зубами, в которых зажата вездесущая трубка. К сожалению, как и в прочих вещах, Джек даже не пытался соответствовать этому стереотипу.

— Итак, что тебе нужно? — снова спросила я, вынув из сумочки флакон с дезинфицирующим средством для рук и пшикнув себе на ладонь. Затем я предложила флакон Джеку, но тот отрицательно покачал головой и сделал глоток черного кофе. Высыпав

ДЕВУШКА С ЛЕГАР-СТРИТ

в свой латте два пакетика сахара, я снова посмотрела на него, о чем тут же пожалела. Его глаза были гораздо голубее, чем следовало. Их насыщенный цвет не нуждался в помощи темно-синего свитера, который был на нем в это утро. Но когда он посмотрел на меня, в его глазах что-то мелькнуло — нечто похожее на беспокойство, отчего я даже поерзала на стуле.

— Как поживает Генерал Ли? — спросил Джэк, пропуская мимо ушей мой вопрос, и, посмотрев в окно, бросил взгляд на часы.

Я проглотила кусочек булочки с корицей.

— С ним все в порядке, — ответила я, имея в виду маленького черно-белого пса, которого я вопреки моему желанию унаследовала вместе со старинным домом на Трэдд-стрит.

— Ты все еще держишь его по ночам на кухне?

Я отвела взгляд в сторону:

— Нет. Не совсем.

По лицу Джека расплылась широкая ухмылка.

— Теперь он спит в твоей комнате, не так ли?

Чтобы увильнуть от ответа, я откусила большой кусок булочки, в очередной раз раздраженная пронизательностью Джека в том, что касалось меня и моих склонностей. Не сумев спихнуть Генерала Ли моей лучшей подруге Софи Уоллен, которая оказалась аллергиком, я горячо клялась всем, кто был готов меня выслушать, что я не собачница и не намерена держать животное у себя в доме.

— Он спит в ногах твоей кровати, не так ли? — Джэк даже не пытался скрыть легкую издевку в голосе.

Все так же старательно избегая смотреть на него, я сделала большой глоток латте.

Джэк скрестил руки на груди и с самодовольным выражением лица откинулся на спинку стула.

— Или же на подушке рядом с тобой... я угадал?

— Ну, хорошо, — сказала я, со стуком ставя чашку на стол. — Он больше нигде не желает спать, понятно? Стоило оставить его в кухне, как он тотчас начинал скулить, и когда я принесла его в свою комнату, он сел рядом с кроватью и всю ночь смотрел на меня, пока я не положила его рядом с собой. Спать на моей подушке — это целиком и полностью его идея. — Я отодвинула от себя чашку. — Но это вовсе не значит, что я его люблю и все такое прочее. Просто он показался таким... Одиноким.

Поставив локти на стол, Джек подался вперед:

— Может, мне тоже стоит притвориться, что я одинок, и посмотреть на тебя грустными щенячьими глазами. Вдруг из этого что-то получится?

Я пристально посмотрела на него, стараясь подавить предательское волнение в области живота.

— В конечном итоге ты оказался бы в ящике на кухне.

Я отодвинула пустую тарелку и сделала знак официантке.

Джек улыбнулся и покачал головой:

— Знаешь, в один прекрасный день эти калории начнут прилипать к тебе, и ты, как и все мы, простые смертные, будешь вынуждена следить за тем, что ты ешь.

Я пожала плечами:

— Ничего не могу поделать с собой. Это наследственное. Моя бабушка по материнской линии до самой своей смерти была стройной, как тростинка, однако ела она, как полузащитник из футбольной команды.

— И твоя мать тоже?

Наши взгляды встретились, и я увидела, что он больше не улыбается.

— Откуда мне это знать? Я не видела ее больше тридцати лет.

Что не вполне соответствовало истине. Я пару раз случайно видела знаменитое сопрано — певицу Джинетт Приоло, — но только по телевизору, держа в руке пульт дистанционного управления и перещелкивая каналы. Помнится, я не смогла быстро перескочить на другой канал с канала Пи-би-эс, по которому шла какая-то постановка Метрополитен-опера́. Но истина заключалась в том, что моя мать оставалась такой же стройной и красивой, какой она была, когда без оглядки бросила свою семилетнюю дочь.

Темнота, которая витала надо мной все утро, внезапно опустилась и на наш угловой столик, загородив собой свет, как будто кто-то щелкнул выключателем. К горлу тотчас подкатил комок тошноты, волосы на затылке встали дыбом. Я в панике посмотрела на Джека — интересно, заметил ли он что-то? Но нет, его взгляд был устремлен куда-то через мое плечо, и он, похоже, ничего не замечал.

— Кстати, ты очень похожа на нее. — Взгляд Джека вновь переместился на мое лицо, и тревога в его глазах тотчас сменилась раскаянием.

— О боже, Джек, как ты мог! — Я привстала из-за столика, но он взял меня за руку.

— Мелани, она сказала, что это вопрос жизни или смерти, ты же избегаешь встреч с ней и не отвечаешь на ее телефонные звонки. Ей просто не к кому было больше обратиться.

Я огляделась по сторонам, в поисках другого выхода, кроме той двери, через которую вошла. Интересно, подумала я, удастся ли мне выбежать через кухню прежде, чем меня кто-нибудь заметит? Но тут мне на плечо легла чья-то маленькая рука в перчатке. Меня тотчас ослепила вспышка света, как будто кто-то отдернул от окна штору, впуская внутрь солнечный день. Тьма мгновенно рассеялась. Легонько сжав мое плечо, она отпустила руку, но свет остался. Я же про-

должала гадать, слышала ли я на самом деле в тот момент, когда тьма исчезла, вздох и шепот, или же это было лишь плодом моего воображения.

Я посмотрела в лицо женщины, которая когда-то была для меня целым миром. Тогда я была слишком мала, чтобы понимать превратности человеческой природы и то, что не всегда хочется называть кого-то мамой.

— Привет, Мелли, — сказала она приятным, мелодичным голосом. Голос этот преследовал меня в моих грезах долгие годы, пока я не подросла в достаточной степени, чтобы убедить себя, что мне больше нет необходимости его слышать.

Я поморщилась, услышав ласковое имя, которое она когда-то дала мне, — имя, которым я никому не позволяла меня называть, пока не встретила Джека. Тот упорно называл меня Мелли независимо от того, нравится мне это или нет.

Я повернулась к Джеку, и моя ярость легко обернулась против него.

— Ты ведь все это подстроил, верно? Ты знал, что я не хочу ее видеть или разговаривать с ней, но ты все равно это подстроил. Как ты посмел? Кто дал тебе право влезать без спросу в чужие дела? Мало того, что это не имеет к тебе никакого отношения, я не желаю иметь с этим ничего общего, о чем не раз тебе говорила. — Я на секунду умолкла, чтобы перевести дух. Я демонстративно игнорировала присутствие матери — для меня это был единственный способ сохранить некое подобие спокойствия. — Я не желаю видеть тебя. Никогда.

Джек выгнул бровь, и я поняла: мы оба вспомнили, как я однажды уже произнесла те же самые слова. Я подалась вперед и ткнула пальцем в его обтянутую свитером грудь.

— В данный момент так оно и есть. Говорю тебе абсолютно серьезно.

Я встала, намереваясь как можно элегантнее удалиться, но вместо этого случайно задела столик и выплеснула остатки моего латте, а заодно опрокинула два высоких стакана с водой. Чтобы избежать потопа, я, пока наша официантка и ее помощник устраняли последствия стихийного бедствия, поспешила пересесть на соседний стул. Моя мать тотчас воспользовалась возможностью и пересела на мой, ловко зажав меня между собой и окном. Правда, ей пришлось лицезреть мой профиль, так как я упорно отказывалась смотреть на нее.

— Прошу тебя, не сердись на Джека. Я признаю, что воспользовалась дружбой с его матерью, чтобы уговорить его помочь мне. Амелии Тренхольм трудно сказать «нет», даже если ты ее сын.

Я знала Амелию и даже любила ее, но сей факт не уменьшил моего желания как можно быстрее покинуть кафе, лишь бы не видеть мою мать.

— Мне более тридцати лет было нечего сказать тебе, мама, — произнесла я, тупо глядя в деревянную столешницу. — И я не думаю, что с тех пор что-то изменилось. Так что если ты не возражаешь, то я пойду. В девять у меня назначена встреча с клиентами... они хотят посмотреть дома в Олд-Вилидж, и я не хочу опаздывать.

Она даже не шелохнулась, и я была вынуждена все так же созерцать темную поверхность столешницы. Я не осмеливалась смотреть перед собой, мне не хотелось видеть упрек в глазах Джека.

Моя мать сложила на столе руки — все еще в перчатках, — и я подумала: она носит их по привычке или все еще по необходимости?

— Мне нужна твоя помощь, Мелли. Дом твоей бабушки на Легар-стрит снова выставлен на продажу, и мне для его покупки нужна твоя профессиональная

помощь. Все говорят, что ты лучший риелтор во всем Чарльстоне.

Лишь тогда я решилась поднять глаза. Моему взору предстали темные волосы, собранные в низкий хвост, безупречная кожа, высокие скулы и зеленые глаза, какие я всегда мечтала иметь вместо отцовских карих. Лишь тонкие лучики морщинок в уголках глаз и вокруг рта свидетельствовали о том, что она стала старше с того вечера, когда пожелала мне спокойной ночи, тогда как на самом деле должна была сказать «прощай».

— В Чарльстоне, мама, кроме меня, есть сотни других риелторов, таких же компетентных, как и я, и они охотно помогут тебе купить дом. Другими словами, нет, спасибо. Я не так сильно нуждаюсь в зарботке.

К моему удивлению, мать улыбнулась.

— Ты не сильно изменилась, — заметила она.

— Откуда тебе это знать? — парировала я, желая стереть улыбку с ее лица.

Джек шумно втянул в себя воздух.

— Мелли, я знаю, что тебе больно. Я бы никогда не стал участвовать в этом, если бы считал, что твоя мать приехала сюда лишь для того, чтобы сделать тебе еще больнее. Все гораздо сложнее, и я думаю, что тебе лучше выслушать ее. Ей кажется, что тебе угрожает опасность.

Я хотела недовольно закатить глаза, но сдержалась.

— Понятно. Тогда скажи ей, что я в состоянии сама позаботиться о себе. В конце концов, я делаю это уже более тридцати лет. Кстати, я говорю не с тобой, или ты забыл?

— Мне снятся сны, — тихо произнесла моя мать. — Каждую ночь. Сны про лодку на морском дне, которую спустя много лет поднимают на поверхность.

В этом есть нечто... недоброе. — Она пристально посмотрела мне в глаза. — И это нечто ищет тебя.

Горло мне как будто тотчас сжала невидимая рука.

Я тотчас вспомнила телефонный звонок, разбудивший меня прошлой ночью, и чувство страха, сопровождавшее все утро. Меня не отпускало странное ощущение, будто я провалилась сквозь тонкий лед в холодную воду. Я сглотнула, ожидая, когда ко мне снова вернется дар речи.

— Это был сон, мама. Всего лишь сон. — Я надела пальто и дрожащими пальцами попыталась застегнуть пуговицы. Увы, пальцы меня не слушались, и я оставила эту затею. — Мне действительно пора. Если тебе нужен хороший риелтор и моя рекомендация, позвони нашему секретарю Нэнси Флаэрти, и она перенаправит тебя к кому-нибудь из них.

— Я пыталась дать о себе знать после того, как уехала. Честное слово.

Я тотчас вспомнила все то, что хотела сказать ей, — все те слова, которые я репетировала, чтобы произнести, если когда-нибудь увижу ее снова, — но теперь, когда у меня возникла такая возможность, все они как будто куда-то пропали. Вместо этого я сказала:

— Нужно было пытаться лучше.

К моему удивлению, мать встала со стула и протянула мне визитную карточку, держа ее двумя пальцами затынутой в перчатку руки.

— На, возьми мою карточку... тебе она понадобится. Это нечто ищет тебя не впервые. Но теперь ты уже взрослая и способна воспротивиться ему. — Она помолчала. — Мы не такие, какими кажемся, Мелли.

И вновь я испытала ощущение, схожее с погружением в ледяную воду, и не смогла выдать из себя ни слова. Не сделав ни единого движения, чтобы взять карточку, я смотрела на мать. Подождав пару мгно-

вений, она положила ее на стол и, коротко попрощавшись с Джеком, ушла, оставив в воздухе аромат орхидей и застарелой скорби.

Я вновь повернулась к Джеку, но он поднял руку.

— Знаю. Ты не хочешь говорить со мной или видеть меня снова. Я понял. Но мне кажется, тебе все-таки стоит прислушаться к матери. Ее способности медиума хорошо известны, и она знает, о чем говорит. Конечно, она может ошибаться. В конце концов, у тебя ведь тоже есть подобный дар, верно? И ты ничего не видишь, никакой опасности. Но что, если она права? Вдруг тебе на самом деле угрожает опасность? Не лучше ли заранее знать об этом?

— Почему тебя это так волнует? — Я уже собралась уходить, но Джек схватил меня за запястье.

— Гораздо больше, чем ты хотела бы думать.

Наши взгляды на короткий миг встретились, но я поймала себя на том, что не могу выдержать взгляд Джека. Он отпустил мою руку, и я развернулась и направилась к двери. Мне не нужно было оглядываться, чтобы знать, что он взял со стола карточку моей матери и теперь осторожно кладет ее в портмоне.

Глава 2

Когда я наконец добралась до офиса «Бюро недвижимости Гендерсона» на Брод-стрит, я почти околела. Рывком открыв дверь — мой гнев еще не до конца остыл от холода, — я дала ей с грохотом захлопнуться у меня за спиной.

— Черт! — Наша секретарша, Нэнси Флаэрти, стояла с телефонной гарнитурой на голове. Одна ее рука лежала на бедре, в другой она сжимала клюшку

для гольфа. По всей видимости, пропустив удар из-за моего шумного появления, она хмуро посмотрела на меня.

— Извини, что помешала твоей тренировке, Нэнси. В следующий раз я буду осторожнее, — пообещала я, проходя мимо нее, чтобы взять со стойки вешалку. Похоже, мой сарказм не достиг цели. Нэнси была уверена, что все разделяют ее мнение о том, что гольф непременно заменит бейсбол в роли главного национального спорта, и поэтому понимают, что ее стремление к совершенству в этой игре имеет безусловный приоритет над всем остальным. Включая ее работу. — Есть для меня сообщения?

Она даже не подняла голову, ибо все ее внимание было сконцентрировано на новом ударе.

— Только твои девять часов. Они немного опаздывают и будут здесь в девять тридцать.

Я расправила на вешалке плечи моего пальто и застегнула его спереди, чтобы оно висело ровно.

— Отлично, спасибо.

Я направилась было в свой кабинет, но затем вернулась и встала перед Нэнси. Ее клюшка тотчас застыла в воздухе, а она сама посмотрела на меня.

— Еще кое-что. Если Джек Тренхольм позвонит, меня здесь нет. Я не хочу говорить с ним. Никогда.

— Опять? — спросила она, опуская клюшку и вновь глядя на мяч.

— Не поняла?

— Все ясно. Тебя здесь нет, если он вдруг позвонит или зайдет. Поняла.

Я уже направилась к себе, но она окликнула меня:

— И тебя все еще нет, если позвонит твоя мать.

— Именно. Но если она позвонит и скажет, что ей нужен риелтор, соедини ее с Джимми.